К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ НОХЧИЙ/ЧЕЧЕНЦЕВ (РАЗМЫШЛЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ)

Дахо Алви Ахмедгириевич

*Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН,
г. Грозный*

TO THE QUESTION OF THE ETHNIC STRUCTURE OF NOKHCHIANS/CHECHENS (REFLECTIONS, COMMENTS)

Dakho Alvi Ahmedgirievich

*Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences,
Grozny*

Аннотация. Чеченское общество исторически состоит из тайпов (родовых общностей), объединяющихся в тукхумы (тайповые союзы). В различных источниках даются сведения об общем количестве чеченских тайпов, их наименованиях и семантике этих наименований. Однако, вплоть до наших дней, эти вопросы до конца не исследованы. Отсутствует также и однозначное понимание времени образования, роли и функционального значения союзов чеченских тайпов (тукхумов). Более того, в чеченской этнологии наметилась тенденция (научное мнение), отрицающая чеченский тукхум как таковой. В данной статье излагаем свои соображения по этим вопросам.

Abstract. Chechen society historically consists of taipas (clan communities) united in tukhums (clan unions). Various sources give information on the total number of Chechen taipas, their names and the semantics of those names. However, these questions have not been thoroughly investigated up to this day. There is also no unequivocal understanding of the time of formation, and the role and function of Chechen taipa unions (tukhums). More than that, a trend has emerged in Chechen ethnology to deny the Chechen tukkhum as such. In this article, we offer our thoughts on these matters.

Ключевые слова: Нохчий/Чеченцы, история, Кавказ, тукхум, тайп, род, Шибуты, Акки, Тумсой, Чанти, Варандой.

Keywords: Nokhchi/Chechens, history, Caucasus, tukhum, taip, clan, Shibuty, Akki, Tumsoy, Chanti, Varanda.

Нохчий/Чеченцы относятся к одному из наиболее многочисленных этносов Кавказа, говорящих на кавказских языках, они вторые по численности после грузин по всему Кавказу и первые среди народов Северного Кавказа. По состоянию на 30.04.2021 г. численность населения Чеченской Республики составляет 1 497 992 чел.[1] Для определения этнопортрета чеченцев обратимся к историческому источнику, который указывает, что чеченцы – «кавказская народность восточно-горской группы, занимавшая до войны (Кавказская война XIX в. - примеч. наше - *Дахо А.А.*) территорию между реками Аксаем, Сунжей и Кавказским хребтом». Кроме чеченцев Грозненского округа, согласно источнику, делящихся на несколько племен, к ним причислены кисты (по ущельям Макалдона и Аргуна), ингуши (см.), галгаи, карабулаки (поASSE и Сунже; самое враждебное нам племя, целиком выселившееся в Турцию) и ичкеринцы (в Веденском округе). Отмечено, что неукротимость, храбрость, ловкость, выносливость, спокойствие в борьбе – черты чеченцев, давно признанные всеми, даже их врагами. Главное занятие – скотоводство, пчеловодство, охота и хлебопашество.... Во время своей независимости они не знали феодального устройства и сословных разделений. В их самостоятельных общинах, управлявшихся народными собраниями, все были абсолютно равны. Этой социальной организацией (отсутствие аристократии и равенство) объясняется та беспримерная стойкость чеченцев в долголетней борьбе с русскими, которая прославила их героическую гибель. Единственным неравноправным элементом среди Ч. были военнопленные...Юридический строй представляет обычные черты родового быта».[2, стр. 387-389] Так характеризовали и знали чеченцев те, кто в течение длительного времени вели с ними колониальную войну.

Чеченский этнос (нахчий/нохчий) состоит из десятков различных тайпов (родовых обществ), история которых уходит далеко вглубь веков. В числе коренных чеченских родов значится около 100 тайпов, в т.ч., Айткхалой, Бенной, Билтой, Зумсой, Мйайстой, Нашхой, Тумсой, Хьачарой, тайп Чйаантий, Чинхой, Сабттой, Мержой, Цонтарой, Ялхарой и мн. др.

О времени зарождения тайпов среди исследователей имеются разные мнения. Преимущественно это явление относят к XV-XVI вв. н.э. (М.А. Мамакаев, Я.З. Ахмадов, И.М. Сигаури, С.А. Натаев и др.). Однако мы

не полностью разделяем такую точку зрения. На наш взгляд, процесс образования некоторых чеченских тайпов имел место ещё ранее. Здесь мы основываемся на ряде свидетельств и материалов, в частности, касающихся и исторического прошлого тайпа Тумсой, заслуживающих, на наш взгляд, внимания.

Как правило, структуру чеченского тайпа составляют *гары* и *некъи* (большие родовые ветки, от семи до пятнадцати и более поколений; и не во всех случаях *некъи* являются ответвлением строго от *гара*), *вары* (*ваьр* – родовая подветка, от трех до пяти поколений, но не всегда именно так), *цла* (большая семья, как правило, от пяти до семи поколений), *добзал* (семья, от одного до трех поколений, иной раз и четыре поколения). Однако среди исследователей нет единого мнения на этот счет. К примеру, М.А. Мамакаев в книге «Чеченский тайп в период его разложения»[3] пишет так: «Известны четыре термина, служившие для определения боковых ветвей, сегментировавшихся от тайпа, и употребляющиеся у чеченцев с незапамятных времен для обозначения крупных родственных групп, которые представляют собой определенное общественное, территориальное и прежде всего кровнородственное единство: ваьр, гар, некъи и цла. Только первый из них – *ваьр* (выделено нами – *Дахо А.А.*) многозначен и наряду с остальными терминами обозначает кровнородственную группу людей, причем более точно определяет понятие род - тайп».[3, стр. 22] Основываясь на своих этнографических материалах и исследовательских выводах, мы рассматриваем термин *ваьр* в качестве родового структурного звена, исходящего от одного реального и исторического предка (отца), определяющего группу больших кровнородственных семей, способных образовать новую родовую ветку *некъи*. Семантику термина *ваьр* мы склонны видеть в чеченском понятии *ворхI да* (семь отцов, семь поколений). *Ваьр*, на наш взгляд, выполняет важную функцию сдерживания процесса дальнейшего разделения тайпа, что близко по своему смыслу к мнению Л. Ильясова, который отмечает: «... *ваьр* (выделено нами – *Дахо А.А.*) по своей структуре и содержанию стоит гораздо ближе к понятию рода, тем более что ваьр представляет собой кровнородственную организацию, все члены которой восходят к реально существовавшему единому предку».[4]

Тукхум. Чеченское общество также структурируется и по «тукхумам». Тукхум - союз (объединение) отдельных тайповых групп (родов) по территориально-географическому, военно-политическому и хозяйственному признакам, а в иных случаях эти признаки могут и накладываться друг на друга. В тукхумы объединены не все чеченские тайпы (в т.ч. и, состоящие из «аборигенов данного края»), что указывает на прецедентную основу такого рода внутритайпических объединений. Соответственно, каждый из этих прецедентных случаев обуславливался определенными историческими событиями и иными процессами в обществе. По мнению М.А. Мамакаева, образование чеченских тукхумов относится к «XVI-XVII вв. ...». Как указывает автор, именно в это время «... в Чечне сложились девять тукхумов: Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкахой, Тёрлой, Чаьнтий, Чебарлой, Шарой, Шуотой и Эрштхой».[3,стр.15-16] В монографическом издании под названием «Чеченцы»[5] также отмечается: «Развитие Чечни в XVI-XVIII вв. в этнополитическом, общественном и хозяйственном плане происходило при одновременном воздействии таких факторов, как возвращение чеченцев на равнины, формирование земледельческого центра на «Чеченской плоскости», утверждение монотеистической религии, усложнение социальной структуры общества, становления единого чеченского этноса на базе нахоязычных горских обществ Северного Кавказа». И далее, там же: «Примерно из 54 нахских горно-плоскостных обществ 50 составили историческую Чечню. В этот период складывается этническое единство, четко проявляется действие центростремительных сил, что видно на примере больших образований-федераций, таких как Чебарлой, Шарой, Шатой, Мержой, Карабулак, Чеченское владение, Нахч-Мохк (Ичкерия), составленных из множеств вольных обществ». [5,стр.56] В данном вопросе также имеются различные мнения исследователей, что свидетельствует о неполной его изученности. Среди этих мнений есть и т.н. «нарождающаяся доктрина отрицания термина тукхум» и не обратить на неё внимание в этой статье было бы с нашей стороны не совсем правильно. Данная точка зрения ясно обозначена в статье Н.Н. Альбекова под названием «Антисоциальная сущность термина «тукхум» в этнической системе нахчий (чеченцев)».[6] В ней автор отмечает: «Любая система имеет определенную структурно-семантическую композицию, малейшее изменение в одном из компонентов которой приводит к энтропии, а порой и к разрушению системы. ... Современная нахчийская (чеченская) этническая система насчитывает тысячу лет исторического формирования, чем и объясняется ее устойчивость, несмотря на бесчисленные трагические и судьбоносные катаклизмы, обрушившиеся на долю чеченского народа за последние семь-восемь веков. Вместе с тем попытки искусственного переформатирования, изменения его традиционной иерархической структуры чреваты разрушением всей системы в целом. ... Именно таковым является элемент тукхум, которого М. Мамакаев в своей работе «Чеченский тайп в период его разложения» искусственно внес в иерархическую структуру нахчийской этнической системы».[6, стр. 82] И далее: «...М. Мамакаев дал определение этому термину в чеченской этнической системе и внедрил (выделено нами – *Дахо А.А.*) его как структурную единицу, при том на самом высоком уровне».[6, стр. 83] Н.Н. Альбеков, основываясь в том числе и на утверждении о том, «... что чеченцы некогда составляли единое племя, которое в дальнейшем оформилось в чеченский народ (къам)», а также и о «...чуждости термина тукхум для этнической системы чеченцев (автор основывается здесь и на мнении Б.К. Далгата – *примеч. наше – Дахо А.А.*) ... как перешедшее к чеченцам от кумыков и неизвестное ингушам и вообще горным чеченцам...»[6, стр. 83], завершает свою работу следующим выводом:

«Многочисленные исследования, проведенные нами в области этнологии, истории, фольклора, системологии, не оставляют сомнений, что элемент «тукхум» не только не был и не является частью чеченского этноса, но и прямо противоречит системному строению чеченского народа. Понятие «тукхум» вносит деструктивный хаос в упорядоченность чеченской этнической системы, вывода десятки чеченских тайпов из структурной организации чеченского народа».[6, стр. 86] Согласно же нашего видения данного вопроса, понятие «тукхум», со всеми признаками его социальной сущности, имеет под собой фактическую и историческую основу и фиксируется в качестве неотъемлемого маркера состава и структуры чеченского общества. При этом мы не ставим под сомнение «чуждость» для чеченского языка термина «тукхум» и не оспариваем то, что сам этот термин в качестве определителя *союза родов* (тайпов) мог «проникнуть в чеченскую» лексику лишь в XIX веке. Здесь мы имеем ввиду, прежде всего, сам факт наличия в структурной системе чеченцев территориально-географических родовых (тайповых) объединений. Правда, они в исторических документах покрываются не как *тукхум*, а другими названиями (землица, джамаат, фратрия, община и др.). Обратив внимание на важный факт о том, что в составе тукхумов, как правило, отсутствует возможность включения или инкорпорации в свою среду т.н. «пришлых» или «инородных» этнических групп и субобществ, о которых упоминают М.А. Мамакаев, Эльмурзаев (Нохчуа) Ю., Дауев С., Вачагаев М. и некоторые другие, заметим следующее. Как нам представляется, понятие тайповый союз или тайповое братство, тайповое объединение или солидарность (барт, вежаралла, цхьанакхетар, цхьаалла – на чеченск. яз.) – это достаточно эффективное и значимое явление, подчеркивающее уровень политического и этнического сознания общества на момент образования таких союзов, двигающегося по пути к своей общенациональной идентификации, структурной упорядоченности и государственности. И в этом плане мы также солидарны с мнением М.А. Мамакаева, когда он утверждает, что «Чеченский тукхум - ... союз определенной группы тайпов, не связанных между собой родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена».[3, стр. 16] Здесь стоит ещё обратить внимание и на известные примеры из исторического прошлого чеченского общества, в т.ч и тайповых союзов и ассоциаций (федераций), хорошо подкрепляющих наш тезис. Для этого обратимся к статье Т.С. Магомадовой «О чеченских посольствах в Москву конца XVI–XVII вв.».[7] В ней автор отмечает: «На протяжении конца XVI–XVII вв. чеченские представители неоднократно приезжали в Москву с дипломатической миссией и по служебным делам. Первые посланцы в Москву были из ококов. ... ».[7, стр. 43] И далее, обращая внимание на то, что Москвой заключались политические союзы с кабардинскими и дагестанскими владельцами, автор отмечает: «Особый интерес в этих взаимоотношениях представляло посольство от горной части Чечни – Шибутской земли. В 1657 г. было составлено письмо царю Алексею Михайловичу от трех обществ – Варандой, Чанти, Тумсой, привезенное в Москву в 1658 г. тремя посланцами от них. Один из первых исследователей этого посольства Е.Н. Кушева называла письмо от Шибутского джамаата уникальным и отмечала, что в фондах русских учреждений XVI–XVII вв. «не удалось обнаружить подлинников других вайнахских документов». «Начальные люди» указанных горных обществ изъявляли желание быть под покровительством России, как и грузинский царь Теймураз, с которым они поддерживали дружественные отношения».[7, стр. 44] Таким образом, утверждение Н.Н. Альбекова о том, что тукхум «... вносит деструктивный хаос в упорядоченность чеченской этнической системы...» нам видится не вполне состоятельным. Вместе с этим, нам видится несостоятельным и тезис о том, что тукхум мог выводить «десятки чеченских тайпов из структурной организации чеченского народа». Вопрос образования тукхумного объединения носил, как мы указывали выше, сугубо прецедентный характер, при котором сами тайпы (добровольно или вынужденно-добровольно) принимали решение входить или не входить в какие-либо из существовавших тукхумов, а также и образовать свой новый тайповый союз. Т.е., «внетукхумный» выбор – это выбор самих исконно-чеченских тайпов, не числящихся в каком-либо из существующих тукхумов чеченского общества или не образовавших свое отдельное объединение. Вместе с этим, повторяясь ещё раз, отметим, мы согласны с Н.Н. Альбековым в том плане, что сам термин тукхум является чуждым для чеченского языка, а в качестве наименований тайповых союзов, имевших место в исторической системе и структуре чеченцев, правильнее применять лексему, относящуюся к исконно-чеченской языковой системе. Здесь возникает и такой вопрос – Какова эффективность тайповых союзов в современных условиях, есть ли в них необходимость? В ответе на этот вопрос мы, скорее, согласны с мнением Н.Н. Альбекова и, соответственно, не обнаруживаем как таковой их необходимости, а тем более и эффективности в современных условиях. В наше время понятия, к примеру, ачхоймартановцы, атагинцы, гойтинцы, грозненцы, самашкинцы, итум-калинцы, шатойцы, шалинцы и др. могут свободно замещать смысловое содержание тайповых союзов и ассоциаций из представителей различных чеченских субэтнических групп населения. Теперь относительно времени образования в чеченской этнической системе явления тайповых союзов (тукхумов). По нашему мнению, начальный этап в процессе формирования в чеченском обществе данного явления относится к периоду конца XIV-го - нач. XV-го вв. н.э., когда армия Тимура Хромого опустошила и уничтожила плоскостные и большую часть горных поселений чеченцев (нохчий), вследствие чего остатки многих обществ, выживших в этих событиях, вынуждены были объединяться и в дальнейшем вести совместную борьбу с иноземцами. Прологом же для последующего складывания тукхумов стало, на наш взгляд, в том числе и

явление т.н. **воинских братств** (союзов), тоже имевших место именно в указанный нами исторический период. В качестве одного из таких примеров можно привести двух-трехсторонние союзы предков современных тумсойцев, чинхойцев и мержойцев, соответствовавшие по времени начальному периоду нашествия на Северный Кавказ армии Тамерлана.⁽¹⁾ Но могло это происходить и несколько ранее указанного нами времени. Вопрос о времени возникновения тех или иных чеченских тайпов также до сих пор остается дискуссионным. Вместе с этим, известно, что тайпы формировались не одним и единым потоком. Процесс этот зависел от степени «созревания» в различных субэтнических группах населения (не во всех случаях кровно-родственных) тех или иных условий и характерных признаков, способствовавших их объединению. К числу таковых следует отнести, в первую очередь, их родственную близость (что не являлось правилом, но в зачатке этого процесса стоит один или несколько кровно близких родовых веток – усл. фамилий) и общую языковую основу, единое территориальное расселение, общие интересы и этико-нравственные принципы, совместное ведение хозяйственной деятельности, религиозно-обрядовый фактор, рост этнического сознания, необходимость взаимодействия в периоды внешней военной угрозы и т.д. О перечне признаков, характеризующих сформировавшийся и устойчивый (жизнеспособный) тайп (по терминологии автора – «в период его расцвета»), дано подробное описание М.А. Мамакаевым в упомянутой нами его работе.[3, стр. 29-30, 32-38]

Вопрос образования названия тайпа и его этимологии в настоящее время достаточно разработан (А.С. Сулейманов, К.З. Чокаев, С.-М. Хасиев, Х.З. Бакаев, С.А. Натаев и др.), но не исследован до конца. Нам известно, что в основе образования названия того или иного тайпа лежат, зачастую, географические, профессиональные, сословно-кастовый и иные признаки. Вследствие этого, заключение исследователя «имя, ... полученное им от своего предполагаемого родоначальника...» нам видится недостаточно объективным и верным. Признаковая модель тайпа Л. Ильсова во многом совпадает с «перечнем» М. Мамакаева, с той лишь разницей, что Л. Ильсов больше акцентирует свое внимание на земельных отношениях, что, в принципе, тоже существенно.[4, стр.37] Изложенное дополним еще и выдержкой из одной работы К.-С. А.-К. Кокурхаева, в которой отмечается следующее: «Основу общественной организации чеченцев и ингушей составляли отдельные роды (тайпы) и **общины, объединявшие несколько тайпов** (выделено нами – *Дахо А.А.*), что было особенно характерно для равнинной местности. Если пахотные земли принадлежали, как правило, семье, то леса, пастбища и сенокосы находились во владении тайпа или общины. Старейшины родов довольно регулярно собирались на совет, где решались вопросы войны и мира, устанавливались нормы обычного права и т.п.». [8, стр. 10] И далее (основываясь на сведениях «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». Т.1. Грозный, 1967. С. 55-56): «Обычное право того времени отразило неравное положение самих тайпов /например, плата за убийство членов знатных и слабых тайпов была различной/. Широкое развитие ... получил обычай установления патроната сильных тайпов или их ветвей – патронимии – над слабыми». [8, стр. 11]

Исторические свидетельства дают разные сведения о количестве чеченских тайпов. Так в работе «Чеченское племя»[9] У. Лаудаев отмечает следующее: «Предание говорит, что до переселения в Ичкерии, всех фамилий Чеченского племени было 59, или как выражаются чеченцы: три раза двадцать без одного; теперь их более 100». [9, стр. 11] В книге «Чеченский тайп в период его разложения» М.А. Мамакаев перечисляет 108 наименований различных чеченских тайпов, характеризуя их в качестве «коренных». Правда, автор не ограничивает фактическую численность чеченских коренных тайпов только лишь перечисленными им в своем тексте в данном месте. В конце своего «перечисления» он делает приписку «и др.». [3, стр. 22-23] И далее пишет: «Тайпов в Чечне, в исследуемый нами период с относительной точностью, насчитывается более ста тридцати пяти». [3, стр. 23] Так же считал и Ж.Ж. Гакаев, отмечавший следующее: «Чеченцы говорят на девяти диалектах-говорах и делятся на такое же число этнотерриториальных объединений (общностей, тукхумов), в свою очередь, подразделяющихся более чем на 135 субэтнических единиц (тейпов, родов)». [10, стр. 10] Кроме этого, относительно количества чеченских тайпов есть целый ряд и других мнений. Юсуп Нохчуа (Эльмурзаев) в книге «Страницы истории чеченского народа»[11] пишет: «... многочисленная чеченская народность сложилась в результате союза девяти крупнейших этно-территориальных объединений-тукхумов: Чабантий, Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкахой, Чебарлой, Эрштхой-Орстхой, Терлой, Шарой и Шуотой». [11, стр. 6] И далее перечисляет наименования тайпов, входящих в то или иное тукхумное объединение. В общей сложности, по мнению Ю. Нохчуа, количество чеченских тайпов, названия которых он привёл в тексте непосредственно, составляет 90. Более этого, в составе тукхума Эрштхой он приводит и наименования шести отдельных «некъи». [11, стр. 6-7] В «списке» (перечне) Саламу Дауева, представленном автором в работе «Чечня: коварные тайны истории»[12] фиксируется 74 тайповых наименований. Автор также отмечает: «Все эти общества, некогда объединявшиеся под этнонимом Нохч-Махкахой, теперь объединены этнонимом Нохчи (самоназвание чеченцев), которые ныне объединены под различными географическими названиями. Поэтому в данный перечень включены только те тейпы, которые входят в конкретные географические общности, представляющие союзы различных тейпов (Нохч-Махкахой, Шуотой, Терлой, Нашхой, Пешхой, Хилдехарой, Шарой, Чанти)». И далее: «Следует иметь ввиду, что в среде горных обществ имеются этнические группы чеченского происхождения, но в силу своего географического расположения слившиеся с тавлианами. Это относится к чинхоевцам, башанкалинцам, гучумкалинцам, некоторым обществам шаройского, чеберлойского обществ,

нихалоевцам, дзумсоевцам, мулкоевцам и т.д.». [12, стр.160-161] Последнее утверждение С. Дауева не только некорректно, но и во многом безосновательно, ввиду его голословности. Согласно «списка», предложенного А.Н. Дьячков-Тарасовым [13, Часть 1, стр. 12-39], составленным автором на основе сведений, собранных «во время экспедиции 1929 года, с комментариями к некоторым из них», число чеченский тайпов составляет 99. [13, Часть 1, стр.33-36] Однако автор делает ещё и следующую оговорку: «Этот список тейп я не считаю законченным, потому что и свое экспедиционное исследование Чечни в 1929 году я считаю далеко не законченным; мало того, в дальнейшем этот список нуждается в проверке путем перекрестных опросов стариков, во-первых, в отношении причисления некоторых тейп к древнейшим, так называемым «чистым тейпам», во-вторых, в отношении признания тейпы или вполне самостоятельной древней тейповой единицей или разросшимся родом позднейшего происхождения». [13, стр. 36] Есть и другие мнения, в которых называется число тайпов в количестве 109, 156 и более этого числа. Деление больших тайпов в ходе длительного исторического процесса и образование новых самоидентифицирующихся обществ в составе чеченского этноса – это вполне логичное и закономерное явление. Но при этом важно знать, при наличии какого критерия или достижения определенных параметров роста общей численности тайпа и иных показателей могло произойти образование нового рода (тайпа). Именно из этого же вопроса исходит и И.М. Сигаури, отмечая: «В результате сегодня нет ясного представления даже о том, сколько же всего в Чечне тейпов, не говоря уже о том, чтобы полностью пролить свет на характер их взаимоотношений. Ясно только, что процесс образования новых тейпов не только не завершился в XV веке, но и продолжался буквально до последнего времени». И далее, основываясь на мнении Крутикова Е.: «Не случайно некоторые российские авторы обращают внимание на следующее обстоятельство: в начале XIX века согласно преданиям существовало 59 (или около того) тейпов; в середине того же века их число превысило 100, а в конце XX века насчитывалось более 150 тейпов». [14, стр. 315] Но при этом, по нашему мнению, недопустима потеря исторической и родственно-корневой связи вновь образовавшегося тайпа со своим материнским тайпом. Более того, непозволительно для исследователя, проводя изучение тайповой системы чеченцев, пытаться дробить и сегментировать их искусственно, основываясь лишь на одном накопленном этнографическом материале и личном мнении. И в этом плане, на наш взгляд, вызывает много вопросов монография С.А. Натаева под названием «Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев». [15] Мы в этой статье не ставим задачу подвергать критическому анализу названные выше работы исследователей, хотя и крайне не согласны с рядом их выводов и утверждений, в том числе и С.А. Дауева. Однако не обратить внимание на ряд положений названной монографии С.А. Натаева мы не можем. Речь, прежде всего, о численности чеченских тайпов. Автор пишет: «Нами на базе имеющихся в литературе исследований по чеченскому тайпу, на основе генеалогических преданий, фольклорных материалов составлен перечень чеченских тайпов. **Он состоит из 366 названий (выделено нами – Дахо А.А.),** среди них есть тайпы, которые исчезли и те, которые имеют инородное происхождение». [15, стр. 139] Обнаружение и восстановление сведений о тайпах, «которые исчезли» – это, безусловно, значительный факт. Между тем в перечне С.А. Натаева зафиксированы такие наименования, которые, на наш взгляд, не могут быть признаны в качестве тайповых названий, т.к. они объясняют лишь место жительства людей (населения), под каким именем они и включаются автором в данный «перечень». К примеру, под №23 значатся *Ашхой/Лашхой*. [15, стр. 139] Согласно приведенной автором семантике, Ашхой/Лашхой – воины, букв. «железные воины», от чеч. «ашх, лашх» – железо и от «хой» – «воины, стражники». [15, стр. 148] Вероятнее всего, С.А. Натаев заимствовал данную семантику у А.С. Сулейманова, который отмечал: «... лашхой – этноним от лашх хой – железные воины, ...». [16, стр. 407] Здесь поясним следующее. Возможно, С.А. Натаев относит термин Ашхой/Лашхой к числу тайпов «которые исчезли». И действительно, население под таким именем известно в чеченской средневековой истории. Об этом пишется в статьях «Жахотан тептар (текст, комментарий)» [17, стр. 59-65], «К вопросу о роли рукописи «Жахотан тептар» в освещении средневекового периода истории чеченцев» [18, стр. 74], «Сообщение о сражении чеченцев с войском Тамерлана в районе современного Ачхой-Мартана (текст, комментарий)» [19, стр. 4-9, 13, 14] и в др. Дело в том, что по нашим данным население, разместившееся в указанный период в междуречье Ашха и Шадга (соотв. совр. Ашхо и Март, Фортанга) являлось предками современных тумсойцев, *хезера* (под таким названием обнаруживаются предки современных чинхойцев), *шерера* (нахчазычное население древнего поселения Шовдан-Шере, их субэтническая принадлежность не установлена) и некоторых других обществ чеченцев, которые все вместе и назывались под термином Ашхой/Лашхой. [17, стр.60; 18, стр.74] Собственно тумсойцы были расселены в указанный период времени в пределах их Воинского укрепления (*Теман Глан*), локализовавшегося в то время в центральной части современного с. Ачхой-Мартан. Согласно имеющимся сведениям, *Теман Глан* был вновь возрожден тумсойцами в первой половине XVI в., после их возвращения на плоскость. Первоначально данное укрепление также и называлось, но употреблялось применительно к нему и наименование *Тумсойин Глан*. Впоследствии данное укрепление получило название *Тумс-эвла*, дублировавшееся и названием *Март-эвла*. В последующем и вплоть до образования селения Ачхой (XIX в.), в который административно были объединены несколько старинных поселений в рассматриваемой локализации, этот населенный пункт назывался одним именем – *Март-аул* (Март-эвла), занимая постоянно правый и левый (временами) берега р. Март (Мартанга,

Фортанга). Что касается семантики, указанной относительно термина Ашхой/Иашхой А.С. Сулеймановым/С.А. Натаевым, то она имеет под собой состоятельную основу, но за исключением смыслового толкования первой корневой части данного термина «Аш/Иаш». Здесь у нас иная точка зрения, по которой часть «*Аш/Иаш*» понимается как «*находиться*», «*сидеть*», «*жить*», т.е. выполнять *постоянную сторожевую функцию*. В этой связи примечательно и то, что в период реконкисты чеченцев на плоскость в начале XVI в. одно из поселений, на основе которых в более позднее время образовался Ачхой-Мартан, называлось *Шира-Иашха*. Термином *Асой/Ласой* покрывалось в то время разнородное чеченское население, размещавшееся в тот же период между *рр. Шадга* (совр. Март, Фортанга) и *Шадгир* (совр. Асса). А *Арихой/Орихой* – поселенцы лесистых гор. В перечне автора значится и название *Борзхой* (№52).[15, стр. 139, 150] Автор указывает, что это «выходцы из горного аула Борзе, которые живут в плоскостном селе Хаймбин ирзе».[15, стр.150] Уточняя этот вопрос, отметим, что термин Борзхой (барзхой), как нам представляется, покрывает все население с. Борзой Шатойского района, состоящего на сегодняшний день из представителей целого числа чеченских тайпов, расселившихся там позднее, в силу различных обстоятельств и событий. В их числе, кроме исторических насельников этой области Тумсой, представители таких тайпов как Мержой, Чинхой, Келой, Шикарой, Хилдехарой и другие. Под №140 автор фиксирует *Катарой*, отмечая, что они «выходцы из аула Катарагашти ... общества *Цечу ахкие*, заложившие село Катар-Юрт».[15, стр. 159]. Под №204 автор фиксирует *Мускхаллой*, поясняя, что это «жители аула Мускхалла».[15,стр. 167] Автор в качестве названия тайпа отмечает и *Ряддохой* (№233).[15, стр. 140, 170] Данное «имя» также однозначно покрывает всех жителей одноименного селения. А фактически, редухойцы – это те же тумсойцы. Нами никогда ранее не обнаруживалось, чтобы тумсойцы, проживающие в этом поселении (село Редухой является одним из родовых поселений тайпа Тумсой), применяли бы в отношении себя самоидентификацию в качестве «редухой». Другой вопрос, когда в оборотах речи произносится выражение «Я (мы) тумсой из Редухой». В «перечне» автора под № 265 значится тайп *Тумсой*, а под №266 – *Тусой*. Для Тусой С.А. Натаев дает этимологическое пояснение, что они «жрецы-воспитатели в чеченских традиционных школах «Кхетош-кхиор»...».[15, стр.173] Но ведь, независимо от рода своей деятельности, Тусой же не перестают быть Тумсой? Под №275 фиксируются *Хайбахой*, указывая, что они «жители аула Хайбах».[15, стр. 173] Под №304 значатся *Хорсаной/Хюрсанхой*, также отмечая, что они «жители аула Хюрсана».[15, стр.176] Для справки - фактически, данное село называется чеченцами как *Хьорсана*. Под №310 автор фиксирует *Цечой/Щечой*, а под №311 - *Цечой-аккинцы*, хотя они те же Цечой.[15, стр. 177] Вызывает большое сомнение фиксация в числе тайповых наименований и *Шуотой*, отмеченных под №349, даже в том случае, если они являются по С.А. Натаеву «переселенцами на равнину». Здесь автор пишет так: «Шуотой – жители возвышенности – «шу», так называли горцев – переселенцев на равнину, вне зависимости от тайпового происхождения. Шуотой **объединяют** следующие тайпы: хьаьккой, Гьаьтти, вашандарой, пхьаьмтой, хьалглой, маьршалой, саьттой, санной, тумсой, борзхой, варандой, келой, саьрбалой и лашкарой, проживавшие в Шаро-Аргунской котловине, также относят себя к шатойцам». Здесь нужно заметить еще, что не все названия, приведенные в данном списке автором, по нашему мнению, относятся к Шатойскому тукхуму. Образуящую основу тукхума Шуотой составляют по нашей версии такие чеченские тайпы, как: Варандой, Вашандарой, Паттой, Келой, Маршой, Пхьамтой, Саьттой, Тумсой, Хьаьккой. Теперь о тайпе *Зумсой*. Он зафиксирован автором под №130, а под № 131 – *Зусой*, с пояснением, что это «воспитатели-инструкторы в чеченских традиционных школах «Кхетош-кхиор»». [15, стр.159] Под №202 – *Муьжганой*, отмечая, что они те же *Зумсой*, но «солевары». [15, стр.167] Под №218 в «перечне» значатся *Олгузой*, отмечая, что они те же *Зумсой*, но «жители аула Олгуза».[15, стр.168] Под №247 обозначаются *Сесаной*, отмечая, что они те же *Зумсой*, но «жители аула Сесана».[15, стр.171] Под №286 автор фиксирует *Харкунахой/Хьаркунахой*, отмечая, правда, так же, что они те же *Зумсой*, но «жители аула Хьаркуна».[15, стр.175] Добавим, здесь речь идет об одном и том же тайпе *Зумсой*. Зачем нужно их сегментировать по месту их расселения? Пожалуй, на этом и ограничимся, хотя мы и перечислили только некоторую часть наименований тайпов из перечня С.А. Натаева, которые вызывают у нас сомнения, а по отношению к некоторым и полное наше несогласие. Если следовать принципу, предложенному автором данной работы, то по названию каждого населенного пункта Чеченской Республики можно было бы определять и тот или иной тайп. И в этом случае тайпов, в том числе и реально существующих, получилось бы куда больше, чем 366.

Кроме этого, спорным является и вопрос правильности причисления к коренным чеченским тайпам социальных общностей инородного происхождения. Ведь никто не оспаривает правомерность их полноценной принадлежности к чеченскому обществу в качестве одной из составляющих его частей, тем более тех, кто разделил судьбу чеченцев/нохчий в период насильственной депортации в феврале 1944 года. Эти общества давно ассоциированы в чеченскую среду, они переняли наш язык, нашу культуру, наш образ жизни... Тем не менее, в самом этническом «теле» чеченцев/нохчий, на наш взгляд, должны числиться только коренные тайпы. Наше общество истари отличалось своей открытостью, допускавшей существование механизма принятия в свою этническую среду любого, кто пожелает войти в состав одного из чеченских тайпов. И в этом вопросе мы согласны с мнением М.А. Мамакаева, Гакаева Ж.Ж., И.М. Сигаури, М. Вачагаева (Вачагаев М. Современное чеченское общество: мифы и реальность // Центр. Азия и Кавказ. Lulea, 2003. №2(26). С. 15-23. Тайпы в Чечне),

Юсупа Нохчуа (Эльмурзаев) и др. И наконец, автором, на наш взгляд, не учтены в этой, вне всякого сомнения, ценной работе, результаты ДНК-исследований, а если и учтены, то не основательно. Это и повлияло на некорректность его суждений относительно некоторых тайпов, имена которых мы не перечисляем с учетом этических рамок наших обычаев.

Подытоживая изложенное, отметим следующее. Хотя многие исследователи и предрекали скорое разложение и «стирание» тайпов из чеченской этнической системы, они не только сохранились до наших дней, но и продолжают играть заметную роль в самоидентификации нохчий/чеченцами своей национальной сути. По нашему твердому убеждению, число чеченских тайпов не выше 150-ти или (максимум) 160-ти, а в идеале – те же 135, каким оно было в начале XX века. При этом мы допускаем (как закономерность) более широкую внутривидовую разветвленность самих тайпов к настоящему времени, чем она была ранее указанного времени. Конечно, тайпы в современных условиях не так монолитны и организованы, какими они были до Кавказской войны XIX века. Вовлечение чеченцев в административное и правовое поле российской империи, а затем и воздействие большевистско-коммунистической системы советского государства сильно повлияли на содержание и внешнее проявление чеченского тайпа. Не является удивительным сегодня, когда кто-то высказывает мнение о том, что тайпы, как социальное явление, устарели, что это анахронизм и один из пережитков патриархально-родового строя, тормозящий наше развитие, что пора отказаться от такой системы полностью. В таких суждениях, с какой-то стороны, возможно, есть и рациональное зерно. В том плане, что нашему обществу давно пора ко многому подходить с позиции общенациональных стандартов мышления, отказаться от волнообразно-нарастающих всплесков тайпового соперничества и его идеологического постулата, формирующего у подрастающего поколения психологию замкнутости и «ущельного» мировоззрения, что конфликтогенно по сути своей. В этом контексте совершенно недопустимы попытки тех или иных представителей тайпов идеализировать или героизировать своё отдельно взятое прошлое. Следует не забывать, что испокон веков среди чеченцев существовало равноправие и уважение чести и достоинства каждого из них. Именно поэтому, в отличие от многих других народов, у нас отсутствовал институт князей и феодалов, хотя у завоевателей всегда было стремление навязать нам такую социальную модель.

В статье «Тайп – крепость Традиции» [20] Хасан Бакаев пишет о проблемах, связанных с чеченскими тайпами, тайповой структурой и системой социального устройства чеченцев. Нам видятся его рассуждения рациональными и логически верными. И завершая свою статью, приведем далее некоторые из выводов автора по данному вопросу. Х. Бакаев отмечает: «Некоторые наши соотечественники, охваченные религиозным усердием, резко отрицательно относятся к европеизации нашей культуры и вместе с тем пытаются искоренить из национальной жизни чеченцев все, что составляет нашу этническую индивидуальность, привнеся взамен все арабское».[20, стр.395] По мнению автора тайпы являются одним из фундаментальных критериев «чеченской Традиции». Они, по его мнению, имеют не только «фольклорную», но и прикладную ценность в нашей жизни. Их ценность он ассоциирует с «крепостью нации», они, выражаясь словами автора, «те детекторы досмотра, через который вынужден проходить каждый человек, желающий инкорпорироваться в наш национальный организм». [20, стр.396] Хасан Бакаев считает, что каждый, кто желает сохранения чеченской нации, должен укреплять «тайповое сознание», «укреплять те бастионы, что выставили – по Божьему внушению – наши предки против разложения и исчезновения чеченского народа». Завершая свои рассуждения, автор приходит к такому утверждению: «Проблема самозащиты нации никогда не перестает быть актуальной, никогда не «устаревает», а это значит, что чеченская тайповая система никогда не может стать «анахронизмом», пока существует сама чеченская нация».[20, стр.397]

Примечания:

1. По теме о «воинском братстве» (союзе) тумсойцев, чинхойцев и мержойцев мы готовим отдельную научную публикацию;

Список литературы:

1. Население Чеченской Республики: численность, крупные города. 30.04.2021 // [http://www.statdata.ru/naselenie/chechenskoi-respubliki#:~:text=Численность%20населения%20Чеченской%20Республики%20на,составляет%201%20497%20992%20чел.](http://www.statdata.ru/naselenie/chechenskoi-respubliki#:~:text=Численность%20населения%20Чеченской%20Республики%20на,составляет%201%20497%20992%20чел.;);
2. Чеченский архив (Сборник материалов по истории чеченского народа). Вып. 2. - Грозный, ГУП «Книжное издательство», 2009. – 552 с.:ил.//См. Чечня и чеченцы (материалы по истории и культуре народов Северного Кавказа). Т.1. Элиста, «Санан», 1990.//Берже А.П. Чечня и чеченцы (Тифлис, 1859). С. 104-106//Л.Ш. /Чеченцы/ Энциклопедический словарь. Издатели Ф. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С-Петербург). СПб., 1903. Т. XXXVIII «А» - С. 785-786;
3. М.А. Мамакаев. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство. 1973. – 96(98) С.;
4. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». 2001. №4 (8). С.35);

5. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова (ответственные редакторы). Чеченцы. М., издательство «Наука», 2012. – 621(622) С.;
6. Н.Н. Альбеков. Антисоциальная сущность термина «тукхум» в этнической системе нохчий (чеченцев) // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2021. № 2 (53). С. 82–87;
7. Т.С. Магомадова. О чеченских посольствах в Москву конца XVI–XVII вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2015. № 1 (26). С. 43–47;
8. К.-С. А.-К. Кокурхаев. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (Вторая половина XIX – начало XX в.). Грозный, 1989, Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение «Книга», - 112 С.;
9. У. Лаудаев. Чеченское племя. Тифлис, 1872. - 60 С.;
10. Ж.Ж. Гакаев. Очерки политической истории Чечни (XX век) [Текст] : В 2 ч. / Джабраил Гакаев д-р ист. наук, проф.; Чечен. культ. центр. - Москва : Изд-во ЧКЦ, 1997. - 473 с.; 21 см.;
11. Юсуп Нохчуа. Страницы истории чеченского народа. Грозный. Издательство «Книга», 1992. – 108(110) С.;
12. С.А. Дауев. Чечня: коварные тайнства истории. Москва. Издательство «Русь». 1999. – 241 С.;
13. **Caucasica:** Кавказоведение. Страницы прошлого. По материалам архива и библиотеки Северо-Кавказского горского историко-лингвистического научно-исследовательского института имени С.М. Кирова (1926–1937): Антология / Составители К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. – Ростов- на- Дону: ИП К.Р. Попов «Полиграф-Сервис», 2017. – 1148 с.;
14. И.М. Сигаури. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. V., М. Издательство «Русь». 2005. – 536 С., с илл.;
15. С.А. Натаев. Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: АЛЕФ, 2013. – 414 С.;
16. А.С. Сулейманов. Топонимия Чечни. Грозный, ГУП «Книжное издательство». 2006. – 711 С.;
17. А.А. Дахо. «Жахотан тептар» (текст, комментарии) // Таллам. 2020. № 3 (20). С. 46–66.;
18. З.А. Тесаев. К вопросу о роли рукописи «Жахотан тептар» в освещении средневекового периода истории чеченцев. Научный журнал «Lingua – universum». №3 2020 г. С. 70–75;
19. А.А. Дахо, З.А. Тесаев. Сообщение о сражении чеченцев с войском Тамерлана в районе современного Ачхой-Мартана (текст, комментарии). Научный журнал «Рефлексия». №1, 2021. С. 3–16;
20. Х.З. Бакаев. Чеченские этнонимы: древность и происхождение. – Махачкала: АЛЕФ, 2021. – 398 с.;

References:

1. Population of the Chechen Republic: number, large cities. 30.04.2021 // [http://www.statdata.ru/naselenie/chechenskoi-respubliki#:~:text=Population%20population%20chechenskaya%20republics%20na,is%201%20497%20992%20chel.](http://www.statdata.ru/naselenie/chechenskoi-respubliki#:~:text=Population%20population%20chechenskaya%20republics%20na,is%201%20497%20992%20chel;);
2. Chechen Archive (Collection of materials on the history of the Chechen people). Issue 2. - Grozny, SUE "Book Publishing House", 2009. - 552 p.: ill.//See. Chechnya and Chechens (materials on the history and culture of the peoples of the North Caucasus). Vol. 1. Elista, "Sanan", 1990.//Berge A.P. Chechnya and Chechens (Tiflis, 1859). pp. 104–106//L.Sh. /Chechens/ Encyclopedic Dictionary. Publishers F. Brockhaus (Leipzig), I.A. Efron (St. Petersburg). St. Petersburg, 1903. Vol. XXXVIII "A" - pp. 785–786;
3. M.A. Mamakaev. The Chechen type in the period of its decomposition. Grozny, Chechen-Ingush Book Publishing House. 1973– 96(98) P.;
4. Ilyasov L. Chechen teip: myths and realities // Vestnik "Lam". 2001. No. 4 (8). p.35;
5. L.T. Solovyova, V.A. Tishkov, Z.I. Khasbulatova (responsible editors). Chechens. M., Nauka Publishing House, 2012– - 621(622) P.;
6. N.N. Albekov. The antisocial essence of the term "tukhum" in the ethnic system of Nokhchiy (Chechens) // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2021. No. 2 (53). pp. 82–87;
7. T.S. Magomadova. About Chechen embassies to Moscow at the end of the XVI–XVII centuries. // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2015. No. 1 (26). pp. 43–47;
8. K.-S. A.-K. Kokurkhaev. Socio-political system and the law of Chechens and Ingush (The second half of the XIX - early XX century). Grozny, 1989, Chechen-Ingush Publishing and Printing Association "Book", 112 P.;
9. U. Laudaev. The Chechen tribe. Tiflis, 1872. - 60 P.;
10. Zh.Zh. Gakaev. Essays on the Political History of Chechnya (XX century) [Text] : At 2 o'clock / Jabrail Gakaev, Doctor of Historical Sciences, prof.; Chechen. cult. center. - Moscow : Publishing House of the CHCC, 1997. - 473 p.; 21 cm.;
11. Yusup Nokhchua. Pages of the history of the Chechen people. Terrible. Publishing House "Kniga", 1992. - 108(110) P.;
12. S.A. Dauv. Chechnya: the insidious mysteries of history. Moscow. Rus Publishing House. 1999– - 241 P.;

13. Caucasica: Kavkazovedenie. Pages of the past. Based on the materials of the archive and library of the North Caucasus Mountain Historical and Linguistic Research Institute named after S.M. Kirov (1926-1937): Anthology / Compiled by K.E. Stein, D.I. Petrenko. - Rostov-on-Don: IP K.R. Popov "Polygraph-Service", 2017. - 1148 p.;
14. I.M. Sigauri. Essays on the history and state structure of the Chechens since ancient times. T. V., M. Publishing House "Rus". 2005— - 536 P., with Fig.;
15. S.A. Nataev. Chechen typees. Problems of studying the nature, structure and historical dynamics of social institutions of Chechens. Makhachkala: Alef, 2013— - 414 P.;
16. A.S. Suleymanov. Toponymy of Chechnya. Grozny, SUE "Book Publishing House". 2006— - 711 P.;
17. A.A. Daho. "Zhakhota teptar" (text, comments) // Tallam. 2020. No. 3 (20). pp. 46-66.;
18. Z.A. Tesaev. On the question of the role of the manuscript "Zhakhota teptar" in the coverage of the medieval period of the history of the Chechens. The scientific journal "Lingua - universum". No.3, 2020, pp. 70-75;
19. A.A. Daho, Z.A. Tesaev. A message about the battle of Chechens with Tamerlane's army in the area of modern Achkhoy-Martan (text, comments). Scientific journal "Reflection". No. 1, 2021. pp. 3-16;
20. H.Z. Bakaev. Chechen ethnonyms: antiquity and origin. - Makhachkala: ALEPH, 2021. - 398 p.;